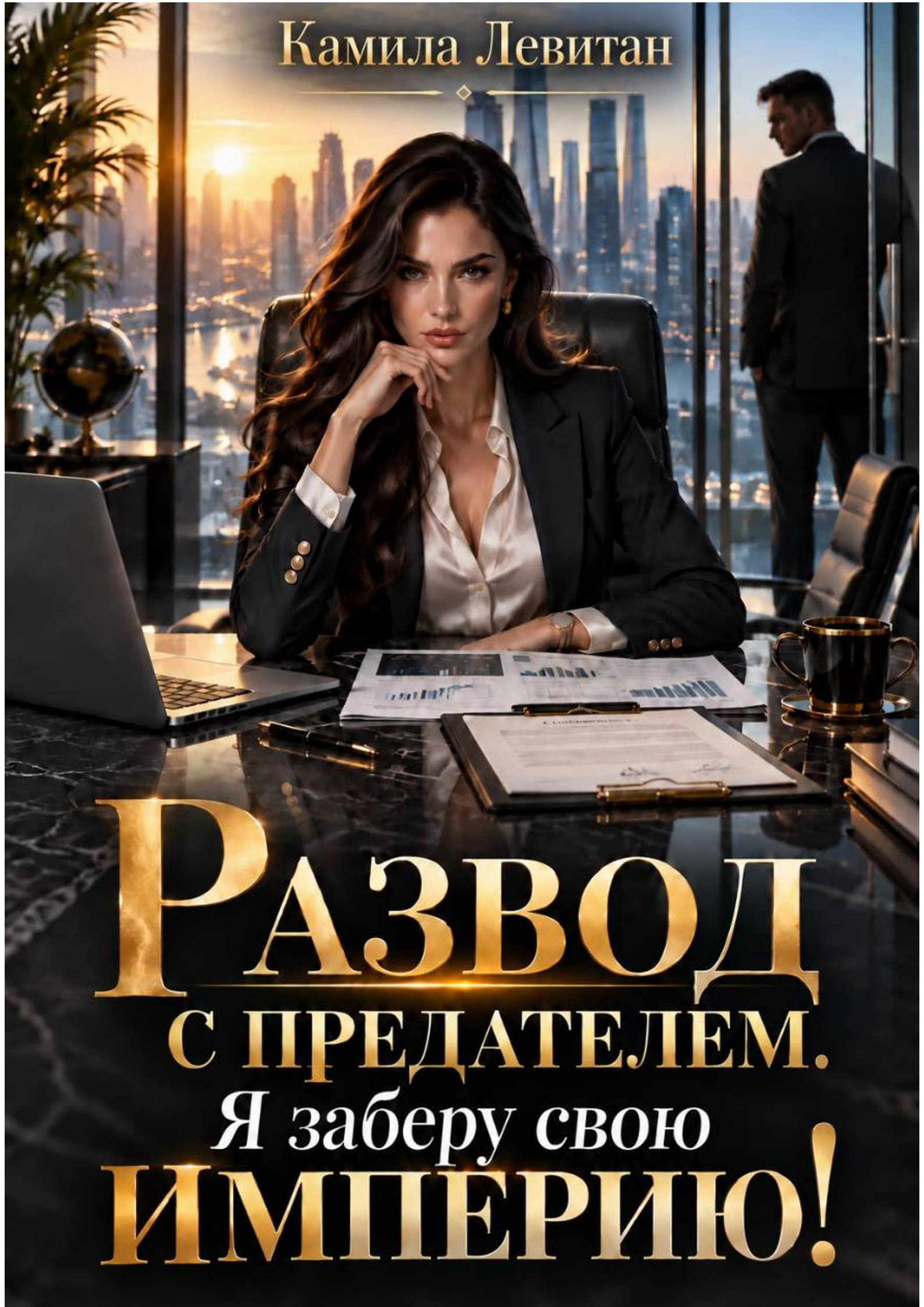

A movie poster featuring a woman with long, wavy brown hair, wearing a dark blazer over a white blouse, sitting at a large, dark, reflective desk. She is looking directly at the camera with a serious expression, her hand resting on her chin. On the desk are a laptop, a globe, a pen, and some papers. In the background, a man in a suit is standing by a large window overlooking a city skyline at sunset. The overall atmosphere is professional and dramatic.

Камила Левитан

РАЗВОД С ПРЕДАТЕЛЕМ. Я заберу свою ИМПЕРИЮ!

Камила Левитан

**Развод с предателем. Я
заберу свою империю!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Развод с предателем. Я заберу свою империю! / К. Левитан —
«Автор», 2026

Я увидела измену мужа на записи с камер наблюдения. Мой Максим развлекался с любовницей прямо в нашем офисе! Но самое страшное открылось позже. Пока я смотрела на их предательство, муж блокировал мои счета, подделывал документы и готовил захват компании, которую мы строили вместе. Он отобрал у меня работу, деньги, друзей и даже попытался выставить сумасшедшей. Только вот одну вещь мой дорогой не учёл. Я — финансовый директор. И знаю, где спрятаны его миллионы и грязные секреты. Теперь он предлагает мне состояние за молчание. Только я больше не продаюсь! А мужчина, протянувший мне руку помощи, может стать для бывшего самым опасным противником. Ну что, любимый, пересчитаем твои убытки?

© Левитан К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Камила Левитан

Развод с предателем. Я заберу свою империю!

Глава 1

В серверной холодно. У меня голые кисти, однако застегнуть рукава не получается: всё время прислушиваюсь, не идут ли сюда. За вентиляторами почти ничего не слышно. Два часа ночи. В офисе пусто, только дежурный охранник где-то на первом этаже да мы с Максимом, задержавшиеся ради «финальной сверки перед инвесторами». Сверять уже было нечего. Максим это знал не хуже меня, но оставил в календаре встречу на двоих. Для инвесторов мы по-прежнему супруги, которые до ночи спасают компанию.

Прижимаю палец к считывателю у двери архива. Приходится придержать кисть второй рукой, чтобы попасть на площадку. Красная полоса. *Access Denied*. Вытираю лоб рукавом и пробую ещё раз. Финансовому директору доступ сюда нужен ежедневно; вчера моя учётка работала. Считыватель пищит и снова показывает красное. Да что за черт! Я же сама согласовывала перечень допусков. В кармане плаща нахожу запасную карту. Она лежит здесь с переезда кабинета: Максим тогда велел сдать старые пропуска, а этот забыл забрать. На пластик налипла пыль из кармана. Провожу карту вдоль считывателя, едва не роняя. Щелчок. Зелёный свет. Дверь открывается с шипением гидравлики. Прежде я входила сюда, не думая о разрешениях. Теперь оглядываюсь прежде, чем переступить порог. Нужно выяснить, кто закрыл мою учётку и почему об этом узнала последней именно я.

От мониторов режет глаза; убавляю яркость на ближайшем. Три окна видеонаблюдения: коридор, переговорная №4, входная группа. Перебираю камеры на клавиатуре. На одной задерживаюсь.

На четвертую переговорную я переключаюсь последней. Там светло только над столом, но видно достаточно: Максим откинулся в кресле, расстегнул рубашку. Между его коленями Алина. Она наклоняется так близко, что волосы касаются его груди. Три года эта женщина пила со мной кофе, расспрашивала про наш отпуск. А я ещё советовала ей не соглашаться на отношения с женатым. Её губы скользят по его шее. Максим поднимает подбородок, давая ей добраться выше, и запускает пальцы в волосы. Я жду, что он оттолкнет её. Не отталкивает. Прижимает к себе. Проверяю название камеры. Переговорная наша. Стол наш. Ошибиться комнатой невозможно. На мгновение думаю: может, это постановка? Но Максим проводит рукой по её бедру, и я перестаю искать объяснение. Хочу вдохнуть, но получается короткий всхлип. Упираюсь ладонью в край стола, чтобы удержаться на месте. Отвожу взгляд от его руки и снова смотрю на лица: надо сохранить их, а не стоять здесь. Когда-то он так же зарывался пальцами в мои волосы. Я знаю этот жест до боли.

Щелк. Щелк. Забываю выключить звук камеры. Каждый щелчок заставляет оглянуться на дверь. Я фотографирую экран. Потом делаю ещё один снимок. Слежу, чтобы лица и время помещались в кадре. Нельзя сейчас расплакаться и снять только блики: завтра он скажет, что мне показалось. Пусть попробует сказать это перед фотографией.

Вибрация телефона в руке заставляет вздрогнуть. Экран вспыхивает уведомлением: «Попытка входа в корпоративный аккаунт Vera_K с IP 192.168.5.4 (Серверная)». Время совпадает с моим входом в архив. Адрес этой серверной. Но почему вход в финансовый аккаунт, которого я здесь не открывала? Отвожу взгляд от поцелуя. В финансовом аккаунте — мои отчеты, доступ к счетам, документы за годы работы. Он мог оставить меня без них раньше, чем

я успею спросить про Алину. Если он войдёт туда прямо сейчас, если удалит что-то... Открываю приложение безопасности. До нужной кнопки три нажатия; я их знаю наизусть. «Заблокировать все активные сессии». Нажимаю и жду, не убирая пальца с экрана. *«Ошибка. Сессия завершена администратором».* Нажимаю снова. Сообщение то же. Даже кнопки выхода из чужих сессий у меня больше нет. Аккаунт уже закрыт. Мне нельзя стоять здесь и ждать: нужно проверить, что осталось в кабинете.

До лифта добегаю, держа телефон перед собой. Двенадцатый этаж. Двери расходятся, но я ещё секунду стою в кабине: после снимка надо увидеть комнату своими глазами. В коридоре никого. Зову охранника, но вентилятор лифта заглушает собственный голос. Свет загорается по мере того, как я иду к переговорной. — Максим! — крик срывается хриплым шепотом. Никто не отвечает. Я бегу к переговорной №4. Дверь приоткрыта. Внутри пусто. На столе два стакана. У одного на краю помада; в другом плавает чайный пакетик. Подхожу к креслу, в котором сидел муж. Духи Алины слышны даже здесь. Мне их запах прежде нравился. Их нет. Я проверяю снимки на телефоне: лица видны, время читается. Хоть этого он пока не отнял.

Максим звонит, пока я стою у кресла. Беру трубку слишком быстро, чуть не сбросив вызов. Прижимаю телефон к уху — боюсь пропустить первое слово. — Алло? Он говорит негромко, почти сонно. Этот голос я знаю: сейчас объяснит, что опять слишком много работаю. — Вера? Ты ещё в офисе? Я думал, ты уехала полчаса назад. — Я видела вас, — выдыхаю я. На слове «вас» голос срывается. Приходится откашляться. — В камере. Переговорная. Пауза. Секундная. Затем легкий смешок. — Ты опять с этими своими заморочками? Алина просто проверяла документы по новому найму. Мы обсуждали структуру бонусов. Ты знаешь, она всегда работает допоздна. Тебе надо меньше сидеть в мониторах и больше отдыхать. Ты истеришь, Вер. Это некрасиво. Он всерьёз предлагает назвать это обсуждением бонусов. Ещё час назад я могла бы начать оправдываться: устала, неправильно поняла. Теперь держу перед собой снимок. На нём всё видно, сколько бы раз он ни произнес слово «истеришь». — Фото, — перебиваю я. Он не должен закончить разговор раньше, чем это услышит. — У меня есть фото экранов с камер. Время совпадает с попыткой взлома моего аккаунта. На этот раз он молчит. Я проверяю экран: вызов продолжается. — Сбрось на почту. Завтра разберемся. А пока иди домой. Ты выглядишь ужасно даже в телефоне. Он отключился прежде, чем я ответила. На экране остаётся его имя; нажимаю на снимок, чтобы не видеть его. Он даже не спросил, что именно видно на фото. Ждал? Знал, что я найду запись? Пытаюсь восстановить разговор по словам, но снова слышу только «истеришь». Ненавижу, что он может довести меня до слез одним этим словом.

До кабинета добираюсь по внутренней лестнице. За перила держусь обеими руками: телефон убрала в карман. Поворачиваю ключ и прислушиваюсь к коридору. Здесь хотя бы можно открыть папки без Алины за спиной. Сажусь за компьютер и пробую войти. Один пароль, второй. Мне предлагают обратиться к администратору. Прекрасно. Это я обычно решала, кого пускать к этим папкам. Выдвигаю нижний ящик. Диск на месте. На него я сохраняла транзакции за месяц именно на случай сбоя, про который Максим ворчал: «Зачем тебе ещё железка?» Сейчас узнаем, зачем. Втыкаю кабель в USB, нахожу «Финансы_Критично». Открываю папку. Она грузится сразу — и в ней нет ни одного файла. Открываю свойства папки — файлы удалены и здесь. Вынимаю кабель, вставляю обратно. Ничего. Этот диск хранился в моём ящике. Значит, кто-то приходил сюда заранее, пока я ещё считала кабинет своим. Доступ к облаку закрыт, копия стерта, а я всё ещё ловлю себя на том, что хочу позвонить Максиму за помощью. Нет. Он это устроил. И кто-то помог ему добраться до моего ящика, пока я оставалась в серверной.

Стук в дверь. Резкий. Уверенный. Три раза. Оборачиваюсь к двери, спрятав телефон за краем стола. Я молчу, но замок поворачивается снаружи. На пороге стоит Алина — с запасным ключом, который я оставляла у HR на случай своего отсутствия. Алина задерживается

на пороге. Смотрит, что я успела открыть. Увидев подключенный диск, улыбается — так же, как утром у кофемашины, когда спрашивала, не устала ли я. Теперь понятно, почему ей было это интересно. Она принесла кофе и закрыла за собой дверь. На замок. Смотрю на ключ в её пальцах: даже в моём кабинете теперь запирает она. — Привет, Вера. Она держит чашку, будто пришла просто поболтать. Я прижимаю телефон к краю стола. Если встану сейчас, начну кричать. А ей только это и нужно. Алина подходит к столу. Ставит кофе рядом с моим мертвым жестким диском. Из сумочки достает лист бумаги. Раскладывает передо мной. Приказ. Подпись Максима. Дата: сегодня. Час назад. «Временное отстранение финансового директора Веры К. от управления счетами компании в связи с выявленными нарушениями процедур внутреннего аудита. Доступ к системе заблокирован. Передача дел — немедленная.»

— Ты видела запись? — спрашивает она, не глядя мне в глаза. Поправляет воротник, которого несколько минут назад касались его пальцы. — Вы использовали меня, — шепчу я. Голос чужой, ломаный. — Поцелуй. Камеры. Чтобы я отвлеклась. — Максим любит эффективность, — пожимает плечами Алина. — Он велел мне удерживать тебя в переговорной. Но ты ушла к камерам — и пока ты смотрела на нас, администратор закрывал доступы. Ты же любопытная. Тебе нужно было подтвердить свои подозрения. Так что спасибо тебе, Вера. Ты сама себя загнала в угол.

Она снова смотрит на оставленный мной диск. — Он просил передать, — говорит она тихо, склоняясь чуть ближе, чтобы я слышала каждый слог, каждый шипящий звук. — Что ты можешь забрать свои вещи до утра. После этого вход будет закрыт навсегда.

Алина замолкает и ждет. Приказ я всё ещё держу за край; на бумаге остается влажный след от пальцев. В приказе уже объявлено, что я нарушила процедуру. Алина ждёт, когда я соглашусь забрать вещи. Снимки остаются у меня — о них она ещё не просит. До утра осталось несколько часов. Они дали мне срок собрать вещи. Смотрю на приказ: надо хотя бы забрать его копию, прежде чем уйду.

Глава 2

Пропуск «NovaTech» прежде не приходилось даже вынимать из чехла. Я приложила его к считывателю на ресепшене. Красный крест. Писк. Тишина. — Карточка заблокирована, — равнодушно буркнул автомат. Я попробовала снова. И снова. На третий раз считыватель больше не издал ни звука. Поправила карту, приложила другой стороной — бесполезно. За этой блокировкой стояло решение, принятое ещё ночью. Я три часа просидела дома, но так и не смогла дождаться утра: без бумажного архива мне нечем было защищаться. Пять лет Сергей махал мне рукой: проходите. Теперь я могла стоять у турникета сколько угодно, и это ничего не меняло.

Сергей, охранник смены, поднял глаза от монитора. Мы знали друг друга пять лет. Он всегда оставлял мне лифт открытым, если видел, что я тороплюсь. Сейчас он отвел взгляд к своим ботинкам. — Вера Сергеевна... вам лучше уйти. Прошу вас. — Позвони Максиму, — мой голос сорвался, но я заставила себя говорить четко. — Скажи ему, что я хочу забрать вещи. Личные. — Ночной регламент, — Сергей сглотнул. Его кадык дернулся. — Никаких контактов с руководством без предварительной записи. Извините. Сергей смотрел в пол. Можно было требовать, напоминать, сколько раз я заступалась за его смену, — он всё равно не позвонит. У него семья и эта работа. Максим рассчитывал и на это.

Телефон в кармане пальто завибрировал. Экран светился именем «Алина». Я ответила, включив громкую связь, надеясь, что Сергей услышит сладкую ложь бывшей подруги. — Верочка, ну чего ты там торчишь? — Голос Алины сочился медом; из динамика доносился фон шумного бара. — Максим очень переживает. Он просил передать: не делай глупостей. Иди домой. Выпей валерьянки. Завтра всё уладится. Она знала. Она видела меня через камеры наблюдения. Они висели над каждым входом, но я думала, что они следят за грабителями. Теперь по ним Алина знала, у какой двери я стою. Снова посмотрела в объектив. Пусть видит: валерьянку пить не собираюсь.

Я сбросила вызов. Руки дрожали так сильно, что телефон едва не выпал. Нужно было попасть на пятнадцатый этаж. Кабинет. Там лежал бумажный архив, физические копии контрактов, те самые папки, которые Максим мог стереть из облака одним движением мыши. Но не мог уничтожить бумагу.

Обойти турникет можно было только через служебный вход для поставщиков. Код доступа «7416» я вводила сама полгода назад, когда мы переехали в этот офис. Цифры горели зеленым на панели домофона. Дверь щелкнула. Я потянула её на себя и вошла. В лифте мой пропуск тоже не сработал. Уровни с первого по четырнадцатый работали, но кнопка «15» мертвенно потухла. Пришлось искать лестницу. В коридоре пахло пылью и старым кофе. Я посмотрела на лестницу. Пятнадцать этажей. В туфлях на шпильках, в зимнем пальто поверх домашней футболки, с растрепанными волосами. На лестнице пришлось расстегнуть пальто. Футболка липла к спине. Хорошо, что Сергей не видит, как я хватаюсь за перила на каждой площадке.

Каждый шаг отдавался болью в коленях. На десятом этаже я остановилась, чтобы перевести дух. Из-за дыхания слышала только обрывки собственных мыслей. Может, я действительно ошиблась в расчетах? Нет. Ошибку можно найти и исправить, для этого не меняют замки ночью. В архиве лежали подписанные договоры. До него надо добраться.

На пятнадцатом этаже было пусто. При аварийном свете таблички на кабинетах почти не читались. Свет горел только в переговорной на этом этаже. Я не хотела приближаться даже к её двери: перед глазами стояла другая переговорная, двенадцатый этаж, Алина возле кресла Максима. Мой кабинет — выше опенспейса, на пятнадцатом. Я привыкла ходить между ними по внутренней лестнице, даже не замечая этажей. Сегодня пришлось пересчитать все ступени. Дверь моего кабинета была закрыта. Электронный замок мигнул красным, когда я попыталась

ввести мастер-код администратора. Не подошло. Они успели отключить код и принести сюда юриста. Я же ещё обсуждала с охранником, могу ли забрать пальто из шкафа.

Из переговорной послышался звук шагов. Тяжелых, уверенных. Дверь распахнулась. Максим вышел первым. Рядом с ним — юрист компании Игорь, с открытым блокнотом. Максим поправил манжету и дождался, пока я подойду. Я ещё задыхалась после лестницы; сумку не выпускала, хотя она мешала снять пальто. Максим улыбнулся мне. Эту улыбку я видела перед каждой неприятной сделкой: сначала обаяние, условия потом. — Мы как раз обсуждаем твою отставку. Ты опоздала, Вер. Но ничего, подпись поставить ещё успеешь. Максим дождался, пока я перестану задышаться. Даже не предложил стул. Я пришла за своим архивом, а он поставил рядом юриста и говорил об отставке так, будто мы заранее условились. Ещё и опоздала я у него.

— Подписи не будет. Получилось тише, чем хотела. Игорь поднял голову от блокнота, но возражать не стал. — Тогда поговорим о твоих отчетах. Копии ведь остались, Вера. Можно отдать их инвесторам. Можно следователю. Подумай, где тебе больше хочется объяснять каждую подпись. Игорь сделал шаг вперед, протягивая мне папку. Бумаги хрустнули в тишине.

Я хотела схватить её, прочитать, начать спорить. Уже искала глазами первую сумму, как на обычном согласовании. И заметила на столе за его спиной то, за чем пришла сама. Черный ежедневник, золотое тиснение на углу. В нем пароли от личных счетов и клиенты, которых я собирала годами. Есть и черновики расчетов: если показывать отдельные строки без объяснений, можно сделать из них что угодно. Алина вышла из-за спины Максима, взяла ежедневник со стола и принялась листать страницы, как интересную книгу. Она пролистала сразу несколько страниц. Мне захотелось придержать одну: под лаком её ногтя я узнала нужную запись. — Ты всё-таки записывала пароли, — сказала Алина. — И расчеты про Кипр. Полезный блокнотик. Особенно если дойдет до суда.

В ежедневнике остались мои клиентские контакты и расчеты. Хотелось вырвать его у Алины. Но Игорь смотрел на мои руки: дотянусь — получают ещё один рассказ об истерике. Он забрал не только документы компании. Мои личные пароли тоже у Алины. Пока я ходила по этажам, думая о её губах на его шее, она открыла мой ежедневник. Не знаю, любит ли он её. Знаю, что листать мои записи разрешил именно он.

Я посмотрела на Максима. Он не отводил глаз. Ждал, когда я начну торговаться о цене молчания. Я сглотнула, но ничего не ответила. Ежедневник он не отдаст. Но страницу можно снять, пока Алина старательно показывает мне чужую власть над моими записями. Если они думают, что я просто жертва, им стоит проверить свои калькуляторы.

Достала телефон и направила на страницу, которую Алина держала открытой. Пришлось увеличить изображение, чтобы снять запись, а не её руку. Фотография страницы ежедневника, где был написан код доступа к внешнему жесткому диску с архивом всех транзакций компании за три года. Не к пустому диску из ящика — к старому носителю, оставленному у аудиторов после прошлой проверки. Если они его не перезаписали, там ещё могла быть моя страховка. Максиму он не нужен. Я выбрала другой контакт. Номер Ильи Старцева, старшего партнера аудиторской фирмы, всплыл в памяти. Три дня назад он сказал мне в лифте: «У вас грязные цифры, Вера. Я бы проверил». Я нажала «Отправить». Подписала одно слово: «Помощь».

Максим ждал подписи. Алина снова перевернула страницу. Сообщение доставлено. Я погасила экран прежде, чем Максим заглянул мне в руки. Теперь мне нужен ответ Ильи — и хоть несколько минут, которые эти двое потратят на ожидание моей подписи.

Глава 3

В гостиной пахло свежесваренным кофе и дорогим парфюмом Алины — тем самым, что я помнила только по ночному визиту в мой кабинет. Теперь им пахла наша гостиная. Я отошла к окну.

Максим сидел в своем любимом кресле с высокой спинкой, закинув ногу на ногу. Я ждала, что он хотя бы поежится под моим взглядом. Максим поправил брюки на колене и придвинул к краю столика тонкую крафтовую папку.

— Подпиши, Вер. Не будем кормить юристов. Он постучал по папке. По той странице, где оставлено место для моего имени.

Босые ноги мерзли на ламинате. Я смотрела на папку: если поднять глаза на мужа, вместо условий начну спрашивать, сколько это у них длится.

— Я хочу полный пакет документов. Аудит за последние три года. Протоколы советов директоров. Сначала цифры, потом подпись.

Максим тихо рассмеялся. Сжал губы, пряча улыбку; я стиснула зубы в ответ.

— Да не аудит мы проводим. Он подвинул папку ко мне. Я взялась за угол и тут же убрала пальцы: он коснулся их, как раньше, когда хотел меня успокоить. — Здесь раздел имущества, Вера. Добровольный. Личные обстоятельства, не служебная проверка.

Открыла первую страницу, потом приложение. Перепроверила запятую в сумме: может, я просто прочла не так? Моя доля в компании, которую мы строили семь лет, оценивалась в десять раз меньше рыночной стоимости. В графе «компенсация» была сумма, которой хватило бы разве что на ремонт ванной в этой самой квартире.

— Это грабеж, — прошептала я.

— Это милость, — поправил Максим. — В суде ведь могут спросить и про твои сделки. Давай не будем торопиться туда.

Щелкнула дверная защёлка на кухне. Вошла Алина. Она несла серебряный поднос с двумя чашками чая и вазочкой с печеньем. На ней мое шелковое платье. То, в котором я встречала Максима после командировок. Алина заметила, куда я смотрю, и разгладила рукав.

— Верочка, чай будешь? Она поставила поднос рядом с папкой. Чтобы дотянуться до ручки, мне пришлось бы обойти чашку. Алина наклонилась ещё ближе — к моему уху.

Она говорила у самого уха. Максим смотрел в папку, делая вид, что не слышит: — Завтра твои фото разошлем, — прошептала она. — В чаты, инвесторам. Пусть посмотрят, как ты себя ведешь. Кто после этого поверит твоим цифрам? Я повернулась к ней, а она продолжала улыбаться. — Мы с ним были вместе, пока ты корпела над отчетами. Подпиши. Все уже устали.

От отвращения и страха тело среагировало раньше сознания. Я схватила чашку и швырнула её в стену. Чай плеснул на рукав Алины. Она отскочила, резко втянув воздух, потом посмотрела на пятно и медленно подняла глаза на меня. Теперь у неё было то, чего она добивалась: моя вспышка, которую можно показать без её шепота.

— Грязь, — сказала она, глядя на Максима. — Как всегда.

Максим не встал. Он даже не повысил голос. Перевел глаза с осколков на меня и поморщился. Пятно на рукаве волновало его больше, чем угрозы Алины.

— Иди в спальню, Вера. Тебе нужно успокоиться. Завтра мы вернемся к этому вопросу.

В коридор ушла, не ответив. Придержалась за косяк, чтобы не зацепить его плечом, и закрыла спальню. После света гостиной пришлось постоять, привыкая к темноте.

Здесь было темно. Из гостиной доносился шорох Алиного платья. Я схватилась за телефон, лежащий на тумбочке, чтобы позвонить своему адвокату. Экран остался черным. Нажала кнопку питания снова. Ничего.

Максим пошел следом. Остановился в дверях спальни; обойти его, не коснувшись, было нельзя.

— Почему я не могу позвонить? — потребовала я.

— Номер отключен, — ответил он. — Корпоративная симка. Владелец линии — я. Как и у счетов, которыми ты пользовалась. Он протянул руку за аппаратом. — Не надо сейчас никого беспокоить. Тебе всё равно никто не поможет.

Он вытащил телефон из моих пальцев, прежде чем я успела убрать его. Покрутил в руке, проверяя экран. Я разжала ладонь: хотел показать, что даже это теперь у него.

— Ты не можешь так поступать! У нас брачный контракт!

— Контракт? — Максим усмехнулся в темноте. — Он не отменяет твоего поручительства по кредиту компании. Давай вспомним пункт 4.2 кредитного соглашения. «В случае обнаружения фактов недобросовестного управления со стороны CFO, компания имеет право инициировать процедуру банкротства для защиты активов кредиторов». Знаешь, что произойдет, если я активирую этот пункт прямо сейчас? Компания объявит себя банкротом. Долги лягут на поручителей. То есть на тебя. Квартиру заберут за ипотеку. Деньги заморозят. А я останусь с чистой репутацией и новым партнером.

Он блефовал. Я знала это по тому, как быстро он говорил, перегружая речь юридическими терминами, которые сам обычно ненавидел слушать. Я знала, где искать возражение, и всё-таки слышала лишь его «квартиру заберут».

— Ты все подготовил заранее, — выдохнула я.

— Я готовился к худшему сценарию. И вот мы здесь.

Максим повернулся и вышел, оставив дверь приоткрытой. Через секунду я услышала щелчок магнитного замка на входной двери квартиры. Затем — тихий скрип ключа в скважине внутри.

Я вышла в коридор и попробовала входную ручку. Замок закрыт. Максим вернулся к Алине и оставил ключ у себя.

У окна сначала постучала по раме, потом по стеклу. Во дворе горели фонари; в окнах напротив ни одного человека. Если крикнуть громче, может, кто-нибудь проснется.

— Помогите! Кто-нибудь!

Тишина. Ни одного света в окнах напротив.

Гостиная погрузилась во тьму. Максим выключил свет в комнатах. Остались только слабые индикаторы роутера и экран ноутбука, который он оставил включенным на столе. По светлomu прямоугольнику на полу я видела, где он стоит.

— Я в домовый чат написал, — сказал он из гостиной. — Люди знают, что у тебя срыв. Ты чашкой кинулась, Вера. На Алину. Я перестала стучать и повернулась к нему. — Вызовут полицию — покажу, что ты здесь устроила. Кто, по-твоему, выглядит вменяемым?

Я представила, что скажу приехавшим полицейским. Максим уже приготовил им другую историю. Нужно записать его угрозы или хотя бы сообщить о них кому-нибудь за пределами квартиры.

Я села на пол в коридоре, спиной к стене. Подтянула пижамные брюки под колени. На полу было холодно, зато отсюда он не видел меня за дверью. Кто ещё мог получить мое сообщение?

Кому позвонить? Номера остались в телефоне Максима. В офисную учетку не войду. Личный ноутбук лежит в гостиной, рядом с ним; забрать его он мне не даст.

Вспомнила про планшет в комоде. Покупала для книг в метро, а читала в телефоне — планшет так и пролежал два года. Он лежал в верхнем ящике комода в спальне. Без привязки к корпоративному облаку. Я не помнила даже, осталась ли в нем сим-карта. Просто кусок железа и стекла.

Я добралась до спальни на коленях. В гостиной шуршала бумага и открывали шампанское.

У комода вытянула верхний ящик. Пальцы нащупали холодный металл планшета. Сердце пропустило удар.

Включила кнопку. Экран мигнул, показав логотип производителя. Загрузка шла бесконечно долго. Секунды растягивались в минуты.

Наконец, рабочий стол. Wi-Fi значок был перечеркнут красным крестом. Роутер в квартире был отключен или настроен на блокировку всех устройств, кроме авторизованных. Максим контролировал даже инфраструктуру нашего дома.

Перепроверила настройки Wi-Fi: домашняя сеть видна, но входа нет. Планшет холодит ладони. Если он отнял и этот способ связи, остается окно и крик. Я снова взглянула на значки сверху экрана.

Но память подсказала еще одну деталь. В слоте для SIM-карты осталась старая, неиспользуемая симка от второго оператора. Та, которую я вынула из телефона полгода назад, потому что ловила сеть только на балконе.

Перевернула планшет и открыла слот. Каретка застряла, пришлось поддеть ногтем. Симка на месте. Я уже и забыла, какого она цвета. Лишь бы не заблокировали за то, что не пользовалась.

Включила мобильный интернет и подняла планшет повыше. Одна палочка сигнала. Опускать руку пока не рискнула.

Открыла браузер. Страницы грузились медленно, каждая секунда была пыткой. Я не знала, что искать. Юриста? Нет, у меня нет денег на его услуги, счета заморожены. Полицию? Вызвать её всё равно надо — хотя Максим уверял, будто соседи подтвердят его версию. Я набрала экстренный номер с планшета, но вызов оборвался: слабый сигнал. Сообщение ещё могло уйти.

Мне нужен был кто-то, кто видел цифры. Кто понимал, что бухгалтерия не сходится не из-за ошибок, а из-за хищения.

В памяти всплыло лицо. Строгое, циничное, с легким прищуром. Илья. Старший партнер аудиторской фирмы. Мы случайно столкнулись в лифте офиса за три дня до ночи в серверной, когда я уходила последней. Он тогда заметил, как я проверяю отчеты, и бросил фразу, которая показалась мне тогда грубой шуткой.

Глава 4

Я набрала в поиске имя компании Ильи. Нашла официальный сайт. Раздел «Контакты». Форма обратной связи.

Дважды исправила его имя в форме. Хорошо, что это ещё не отправленное сообщение.

«Илья. Ваша проверка нашей компании была поверхностной. Вы искали ошибки, а я ищу доказательства. Максим готовит банкротство, используя мои данные как прикрытия для вывода активов. Измена была приманкой. Мне нужны уши. И защита».

Отправка. Крутящийся значок загрузки.

Прошло пять минут. Десять. Я сидела на полу, прислонившись к комоду, чувствуя, как немеют ноги. Батарея планшета начала падать. Красный индикатор зарядки мигал.

Вдруг экран дернулся. Пришло уведомление.

«У вас действительно не сходятся цифры. Я прочел твоё сообщение. Начнем с договора о залоге доли: где оригинал? В материалах проверки его нет. Почему ты не оставила его в сейфе?»

Он спросил об оригинале залога, не о моих отношениях с мужем. Значит, помнил документы прошлой проверки. Можно было говорить с ним о деле, не доказывая прежде, что я не сошла с ума.

Илья спросил о залоге доли, а Максим только что угрожал поручительством. Надо собрать эти договоры вместе. На каждом стояла моя подпись; ещё вчера я считала это общей страховкой компании.

Ревность мешала вспомнить, какие документы Максим приносил последними. Я заставила себя вернуться к датам.

Измена никуда не исчезла. Я видела его руки, её губы. Но теперь понимала: мою боль использовали, чтобы я не заметила финансового переворота. А Алина... Алина действовала не только по приказу. Ей нравилось смотреть, как я страдаю. Ей нравилось быть «новой женщиной», даже если эта роль была оплачена грязными деньгами.

Я начала перебирать сделки, под которые Максим просил мое поручительство. Сколько раз подписывала не читая, потому что это он?

Планшет убавил яркость: заряд почти кончился. Я перечитала ответ Ильи, пока видно. Он не обещал всё решить, но хотя бы спросил про документ.

За дверью спальни раздался звон бокала. Шипение газированного вина. Смех Максима. Мне надо дождаться, пока они уснут.

Повторила вопрос Ильи про залог. Нельзя забыть его, когда выйду.

Планшет выключился. Нажала питание — не включается. Положила его на комод, стараясь не стукнуть о дерево. Я ещё сидела без света и телефона. Но уже знала, какой документ искать первым, если сумею выйти. Хоть одна задача вместо бесконечного «за что».

Я поднялась с пола. Колени хрустнули. Я прикрыла дверь спальни. В кармане пижамы нащупала маленький запасной ключ от входной двери: прежде я брала его, когда выходила на площадку за доставкой. Максим запер верхний механический замок. Если дождаться тишины в гостиной, у меня будет шанс выйти.

Дождаться, пока они уснут. Достать договор. Не дать ему заметить, что я ищу.

Я буду считать.

На кухне остывал приготовленный Максимом кофе. Я обошла чашку, чтобы даже случайно не взять её. Утром Максим вернул разряженный телефон, словно это было благодеяние. Я зарядила его и переставила в него вторую сим-карту из планшета. Теперь он мог отнять корпоративный номер, но не весь мой голос.

Я сидела на полу в гостиной, спиной к дивану, и смотрела, как мои пальцы сжимаются в кулаки до побеления костяшек. Стоило вспомнить слово «тюрьма», и я забывала, какой документ искала. Как работать, когда он в любой момент может прислать не Алину, а людей, которые заберут меня из дома?

В дверь позвонили. Я ждала, не скажет ли Максим из спальни, кому открыл.

Я не двигалась. Пусть стучат. Пусть ломают. Но через минуту дверь открылась: у Глеба был ключ Максима. Консьерж, которого я когда-то хорошо знала, пропустил его в подъезд под предлогом «срочных документов для собственника». В квартиру вошел Глеб. Адвокат Максима выглядел так, будто сам только что вышел из СИЗО: пиджак помят, глаза красные. Папку держал обеими руками, чтобы не рассыпались листы.

— Вера, давай без истерик, — бросил он, даже не поздоровавшись. Он не ждал приглашения сесть. — Подписывай. Сейчас.

Он швырнул папку на стол. Бумаги рассыпались веером. На первой странице крупным шрифтом было набрано: «Акт выполненных работ № 402/19. Исполнитель: ООО "Вектор". Ответственный заказчик: Вера Соколова». Подпись внизу была скопирована мастерски, но я видела эту фальшь за километр. Мой почерк имеет характерный крючок на букве «д», здесь его не было.

— Что это? — спросила я тихо.

— Доказательство того, что ты соучастница мошенничества в особо крупном размере, статья 159 УК РФ. Фиктивные сделки. Ты знаешь, сколько лет дают за такие суммы? Пять. А если учтут твою должность финдиректора... восемь.

Глеб остановился слишком близко. Я отодвинулась от запаха табака; он принял это за испуг и наклонился ещё ниже. Ждал, когда попрошу его связаться с Максимом и смягчить условия.

Посмотрела на подпись снова. Крючка нет. Я не могла на таком основании обещать себе безопасность — зато могла заставить его объяснить, откуда акт. Он пришел требовать подпись, а не задавать вопросы. Значит, всё ещё нуждался в моём согласии.

— Экспертиза почерка займет месяцы, — произнесла я ровным тоном, глядя ему прямо в переносицу. — А я не собираюсь сидеть в камере предварительного заключения ради ваших клиентов. Вызовите следователя. Прямо сейчас. Я готова дать показания. О том, как вы пытаетесь запугать свидетеля.

Глеб моргнул. Он приоткрыл рот, но прежде ответа посмотрел на дверь.

— Не играй в умную, Вера. Максим готов дать показания против тебя. Он расскажет, как ты лично одобряла транши. Если ты не подпишешь соглашение о добровольном возмещении ущерба, он опубликует эти данные в прессе. Твоя ипотека, твоя квартира, твоя жизнь... всё будет конфисковано. Ты останешься на улице.

Он обошел стол, снова вернулся к папке и посмотрел на часы. Второй раз за минуту. Я проверила время на своем телефоне: куда ему надо успеть с моей подписью?

— Кому так срочно нужно, чтобы я села? — спросила я. Я ждала ответа, не отводя взгляда от его часов.

Глеб замер. Его лицо исказилось от ярости, смешанной со страхом.

— Тебе плевать на дружбу? На годы брака? Максим спасал тебя! Держал тебя на плаву, пока ты коптила небо своим снобизмом! А ты теперь хочешь испортить нам всем жизнь?

На слове «нам» он почти сорвался на визг. Я зацепилась за это слово: пришел от имени клиента, а защищает себя.

Я медленно поднялась с пола. Колени затекли, но я чувствовала силу в ногах. Достала телефон.

Я включила камеру и направила на него. — Продолжайте, Глеб. Про тюрьму и добровольную подпись. Запишем. Потом вместе посмотрим, где тут добровольно.

Глеб увидел себя на экране. Прежде чем снова заговорить, переставил ладонь на край стола, заслонив бумаги.

— Убери телефон. Немедленно.

— Или что? — я сделала шаг вперед. — Арестуешь меня? Ты не можешь. У вас нет ордера. Есть только паника и дедлайн, который горит синим пламенем. Кто ждет этих бумаг? Инвесторы? Аудиторы?

Он потянулся к камере, но остановился: я успела отступить.

Глеб бросился собирать документы со стола.

— Мне нужно забрать их, — прорычал он, пытаясь засунуть бумаги обратно в папку. — Это конфиденциальная информация.

— Это улики, которые ты оставил мне специально, чтобы я поверила, что они настоящие, — холодно заметила я.

Он схватил меня за запястье. Его пальцы впивались в кожу, оставляя белые следы. Сжать телефон мешали его пальцы. Я перехватила аппарат крепче.

— Пусти, — прошипел он мне в ухо, наклоняясь ближе. Он говорил у самого лица; пришлось отвернуть голову от перегара. — Подпиши. Или я сделаю так, что ты пожалеешь, что родилась.

Пальцы на запястье сжались сильнее. Телефон он уже почти достал другой рукой.

Свободной рукой ударила его под ребра. Глеб согнулся, выпустив моё запястье. Я отступила к стене и закричала — теперь так, чтобы услышали в соседней квартире:

— ПОМОГИТЕ! УБИВАЮТ!

Застучала по стене. Даже если крик не разобрали, на стук они обычно приходят ругаться. Соседи справа, те самые старички, которые всегда жаловались на громкую музыку, тут же начали стучать в свою стену в ответ. Из-за двери донеслось: «Мы охрану вызываем!» Лай собаки за дверью превратился в вой.

Глеб отпрянул и посмотрел на входную дверь. Соседи слышали крик, а телефон всё ещё писал. Он уже не успевал забрать всё сразу — и бумаги, и запись.

— Ты сумасшедшая! — выплюнул он, поправляя галстук. — Ты потеряла всё, Вера. Всё!

Он схватил свой портфель, но папку с документами оставил на столе. За папкой он потянулся, но снова услышал соседей и бросил её. Я не дала ему вернуться к столу.

— Наслаждайся, — бросил он, выходя за дверь. Я сразу повернула ключ. На этот раз он остался снаружи.

За дверью ещё переговаривались соседи. Я сказала через неё, что он ушел, и прислонилась к косяку, пытаясь отдышаться.

Я подошла к столу. Руки все еще болели после захвата Глеба, кожа покраснела, от любого прикосновения к рукаву я морщилась. Главное — телефон остался у меня, запись не оборвалась.

Глава 5

Я открыла папку. Внутри лежали не только поддельные акты. Под ними были черновики писем. Email-сообщения, распечатанные и помеченные маркером.

«Уважаемые партнеры, прошу приостановить аудит до конца квартала. Возникли технические сложности с серверами. Гарантирую полную прозрачность после закрытия периода».

И ниже, другим шрифтом, приписка от руки: *«Прикрыть дыры любой ценой. Деньги должны уйти через офшор "Бриз" до пятницы».*

Перечитала название офшора. Захотелось сесть: это я согласовывала часть его сделок. Он стоял и в отчетах, которые мы утверждали задолго до этой ночи. Они готовились не с момента моей истерики. Им нужен мой отказ от доли, подписанный до вывода денег. Я ещё раз проверила срок в письме.

Пятница. В письме указан срок вывода денег. Я обвела его на распечатке: к этому времени нужны копии.

Я взяла телефон. Руки не дрожали. Фотографировала по странице, проверяя, не обрезали ли нижний край. Имена и даты должны остаться целиком.

Отправила пакет Илье. Сообщение было коротким: *«У меня есть их грехи. Теперь твоя очередь».*

Ответ пришел почти мгновенно.

«Вера, держись. Эти документы подтверждают мою гипотезу. Они дают основания для заявления, но личный умысел Максима пока придется доказывать. Нужно сохранить след следующего перевода через "Бриз". Передай оригиналы адвокату, а Максиму пока не показывай, сколько у нас есть. Я проверяю цепочку».

Я перечитала сообщение три раза. Не показывать, сколько нашла. Прежде мне казалось, что молчать перед Максимом — значит соглашаться. Теперь это давало время.

Я боялась и после ответа Ильи. Только теперь могла назвать, что сделаю сегодня: сниму все страницы, уберу оригиналы и не стану отвечать мужу, сколько нашла.

Зазвонил телефон. Алина.

Прежде чем ответить, открыла запись. Ещё один разговор о том, как они за меня переживают.

— Верочка, ну что ты наделала? — начала Алина. — Максим и так не спит из-за инвесторов. Компания еле держится. А ты ещё юриста выгнала. Он ведь любит тебя, просил передать. Давай подпиши, а? У нас у всех когда-то были хорошие отношения.

Я слушала, как она путается в словах.

— Нам сказали: пока она не сломается, бумаги не подпишет, — вдруг проговорила она и осеклась.

Я замерла.

— Что ты сказала? — спросила я ледяным тоном.

Алина замялась.

— Н-ничего. Просто... ты должна понять. Финансовые отчеты за третий квартал... они совпадают с датами в документах Глеба. Ты ведь видела цифры? Там была ошибка в проводках, которую нужно было скрыть. Максим просто защищал компанию...

Она назвала дату. Третий квартал. Именно тот период, который указан в письмах из папки. Она знала детали бухгалтерии. Она не просто любовница. Она — соучастник. Активный исполнитель схемы. HR-директор, который контролировал доступ сотрудников к данным и внедрял программу лояльности для менеджмента, читай — для откатов.

— Спасибо за подсказку, Алин, — произнесла я спокойно. — Я знаю, кто заказчик. И я знаю, где зарыты кости.

Алина ничего не ответила. Отключилась, пока я ждала объяснения.

Я положила трубку. Посмотрела на экран телефона, где висело последнее уведомление от Ильи. Прикрепленное фото переписки в Telegram, которое он только что переслал мне, найдя архив в корпоративной почте, к которой у него был временный доступ.

Фото сообщения Алины Максиму от двухмесячной давности: *«Она ничего не поймет, пока мы не сломаем её психику. После этого можно брать долю за копейки. Готовь бумаги».*

Погасила экран. Лицо отразилось так ясно, что поправила волосы: впервые за день вспомнила, как выгляжу. Потом открыла запись заново. Алина проговорила, и у меня осталось каждое слово.

Я провела языком по прикушенной губе. Во рту был вкус крови. Но впервые за три дня я могла думать о следующем ходе, а не только о том, как пережить этот.

Завтра я вернусь в офис. За бумагами, которые они ещё не успели забрать. Пусть ждут, что я снова попрошу личные вещи. О том, что есть у меня, я им не расскажу.

Лена открыла дверь, и меня чуть не вырвало.

От запаха лавандового диффузора снова свело желудок. Лена помнила, что я не переносю лаванду. Диффузор всё равно стоял у самой двери. Я стояла на пороге, чувствуя, как колени становятся ватными. Мои туфли были грязными. Мои руки дрожали так, что я не могла удержать сумку. Внутри лежали телефон с почти разряженной батареей, папка Глеба и пачка салфеток. Больше у меня ничего не было. В офис меня не пускали, счета не работали. Оставалась Лена. Я набрала её раньше остальных: здесь хотя бы должны были дать переночевать, не требуя подписи.

— Заходи, Вера, — сказала она. Голос был ровным, почти скучающим. Я ждала, что она обнимет. Лена посмотрела на сумку и отступила, освобождая проход. Пришлось первой сказать спасибо.

В квартире пахло чаем и старыми книгами. Мы сидели здесь ещё до компании. Тогда я могла застрять на её кухне до утра и не объяснять, почему не хочу домой. Теперь попросила только одну ночь. Лена смотрела на мои туфли, и я невольно вытерла их ещё раз о коврик.

До кухни дошла, касаясь стены: кружилась голова. Лена молча поставила передо мной тарелку с супом-пюре из тыквы. Над тарелкой шел пар. Я согрела руки о её край.

— Ешь. Лена придвинула ложку к моей руке.

— Я не могу, — прошептала я. Я попробовала взять ложку и положила обратно. От запаха супа подступало к горлу. — Мне нужно... мне нужно подумать. Он сказал, если я не подпишу до пятницы, он опубликует...

— Ты будешь есть, или я вызову скорую для тебя, потому что ты сейчас упадешь в обморок и разобьешь голову об этот стол, — перебила Лена. Она говорила как с клиенткой, не с подругой. Она придвинула тарелку вплотную к моим рукам и дождалась, пока я возьму ложку. Пришлось есть, хотя разговаривать было легче.

Взяла ложку и проглотила первую порцию, хотя обожгла язык. Лена смотрела, пока я набирала вторую. Себе супа не налила. Хотелось попросить её отвернуться: я так не могла даже есть, не думая, достаточно ли хорошо справляюсь.

Доела, потому что она ждала. Поставила ложку в пустую миску. Теперь, может быть, позволит поговорить.

— Я расскажу тебе, — начала я, голос сорвался на хрип. Я хотела рассказать ей всё. О том, как Максим смотрел на Алину на камере наблюдения. Как её губы касались его шеи. О том, как он требовал подписать отказ от доли, угрожая тюрьмой за фиктивные сделки, которых я не совершала. Я хотела увидеть в ее глазах сочувствие. Хоть раз услышать: «Я тебе верю». Я устала держаться перед людьми, которые считали мои слезы поводом ещё что-нибудь отобрать. У Лены хотела хотя бы выговориться.

Лена подняла руку, останавливая меня.

— Не начинай опять, Вера. Ты уже всё рассказала. Ты привыкла распоряжаться — и вот один раз не получилось. От этого и плачешь. Надо принять, что не всё будет по-твоему.

Я убрала ложку на край тарелки: уже хватило её приказа поест, теперь ещё и это. Не смогла сразу ответить. Она даже не дала закончить рассказ. Я привыкла, что Лена сначала слушает. Даже если потом спорит. А теперь я сидела на кухне своей подруги, униженная, и меня называли манипулятором.

— Ты права, — выдавила я сквозь ком в горле. — Я слабая. Но мне нужны деньги. На адвоката. Или хотя бы связаться с банком через твоих знакомых юристов. Я не могу даже снять сто рублей, все счета заморожены.

Лена отвела взгляд. Она взяла телефон, быстро прочла сообщение и положила обратно экраном вниз. Этот жест был быстрым, нервным.

— Профессиональная этика, Вера. Я не смешиваю дружбу и финансы. Тем более с клиентами в таком состоянии. У меня нет свободных средств, которые я могу дать в долг без гарантий возврата. А у тебя их нет.

— Лена... — я попыталась поймать ее взгляд.

— Иди спать. Завтра будет легче. Или не будет. Посмотрим.

Она указала на гостевую комнату. Я послушалась. Спорить я не могла.

В гостевой я не заснула. Перебирала, кому ещё можно написать: Илья ответил, но с ним нельзя разговаривать про то, как мне плохо. Лена за стеной тоже не спала. Из гостиной донесся шепот, и я села на постели прислушаться.

Сердце заколотилось. Я медленно встала, босиком ступая по холодному ламинату. Подкрадась к щели.

Лена сидела на диване, спиной ко мне. Свет настольной лампы отбрасывал длинные тени. Она набирала сообщение. Ее пальцы летали над клавиатурой быстро, уверенно. Никакой нервозности, которую я видела днем.

— Она здесь, — пробормотала Лена себе под нос, читая отправленное. — Сломана. Готово к подписанию.

Кому? Я прищурилась, пытаюсь разглядеть имя контакта на экране телефона, который Лена держала в руке. Экран мелькнул. Номер был сохранен как «Алина HR».

Отступила от щели, прижав ладонь ко рту: нельзя выдать себя.

Имя контакта я успела прочесть. Мой психолог пересылала отчеты Алине. Подруга, к которой я пришла ночевать. Я перечитала сообщение: «Сломана». Суп, разговор про контроль — она всё это делала для них. Лена советовала мне «не давить на Максима» и «быть гибче». Я приходила к ней после каждой ссоры и рассказывала, на какие слова быстрее всего срываюсь. Что из этих разговоров она переслала Алине?

Я не зашла в гостиную. Я просто стояла там, в темноте коридора, чувствуя, как внутри что-то обрывается окончательно. Я боялась скрипнуть половицей. Слово «готово» стояло перед глазами: так она описала меня, пока я лежала в её гостевой комнате.

Глава 6

Утром я вышла на кухню. Лена уже варила кофе. Она выглядела отдохнувшей, спокойной.

— Доброе утро, Вера. Ты спала?

— Нет, — ответила я ровно. — Я видела твое сообщение.

Лена не вздрогнула. Не побледнела. Она спокойно перелила кофе в мою чашку.

— Я знаю, что ты видела, — сказала она, садясь напротив. — И я знаю, что ты хочешь уйти. Но послушай.

Она говорила тихо, без интонаций обвиняемого.

— Он предложил мне возглавить HR. После Алины. За то, что с тобой будет спокойно. Ты всё время приходила после ссор, я говорила, что надо доверять мужу. Ты доверяла — и не проверяла. Лена опять подвинула ко мне чашку. — Ты ведь умная. Должна понимать, почему ему это было нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.